

Тяжкая ножа / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарсу

напісана кітарсу | 21 января, 2025

Тяжкая ножа / рассказ ТЯЖКАЯ НОША

«Что посеешь, то и пожнешь», – горестно вздохнул Таган. Мысли его путались, он пытался привести их в порядок, но ничего не получалось. Жалость к самому себе переполняла грудь тяжким грузом давила на сгорбленные плечи. Не в силах больше сдерживать нахлынувшие чувства, Таган зарыдал, жалко всхлипывая и размазывая по лицу солёные слёзы.

«Когда-то я и сам не слышал старшим, не уважал родителей. Детей променял на бутылку. Теперь злой рок висит надо мной. Проклятие матери сбывается. А дети отвечают мне тем же, чем я – своим родителям...»

Размышления Тагана прервались, когда Абды грубо схватил его своими здоровенными ручищами. Сын резко потрянул отца с такой силой, что обрывки мыслей разлетелись, как листья с деревьев, сорванные порывом ветра.

– Эй, слышишь, ты! Делай что хочешь, но достань мне хоть из-под земли четыре тысячи! Мои друзья кейфуют, а я должен сидеть и смотреть?! Давай, шевелись...

Огулсоне стало жаль мужа, и она набросилась на сына:

– Тебе не стыдно так орать на отца?!

Абды скривил губы:

– Мать, прекрати. Я прекрасно помню, как он выгонял нас на улицу в самый мороз, ночью, когда мы были маленькими, собирать пустые бутылки. Ему надо было опохмелиться. Так кому должно быть стыдно?.. А мне нужны деньги, я тоже хочу кейфовать.

Сквозь слёзы Огулсона вздохнула:

– Что поделаешь? Всё-таки отец...

Таган с безразличным видом сидел все так же согнувшись. Абды ткнул его ногой в коленку:

– Даже свинья лучше него. Давай, найди денег...

И тут Таган не выдержал: громко всхлипнул и с рыданиями уткнулся в подушку...

* * *

В прежние времена ему было всё нипочем. Тогда он работал сторожем на мясокомбинате. Прибыльная была должность: те кто потихоньку выносили за ограду продукты, подкидывали и сторожу, чтобы молчал. А он, обуреваемый жадностью и падкий на дармовшину, принимал подачки как должное. Поэтому жилось Тагану привольно: и семью кормил, и вволю пил.

После очередного обильного возлияния он, лениво позевывая и указывая пальцем на комбинат, говорил: «Здесь даже вороны жирнее, чем в других местах». И принимался философствовать: «Жизнь человеческая коротка. Поэтому нельзя пропустить ни одного удовольствия». Таган так и жил: пил, ел, курил терьяк, веселился вовсю. После очередной пьянки он возвращался домой пошатываясь, или его приводили под руки собутылники. И тогда всё начиналось вновь: скандалы, драки. Чаше всего изрядно выпивший человек быстро засыпает. Но с Таганом этого не случалось. В него как будто вселялся бес. Он набрасывался на близких, кричал с пеной рта на жену и детей... Несчастной Огулсоне приходилось выслушивать его упрёки.

– Ты, женщина, не ценишь меня. Если бы ты вышла замуж за какого-нибудь мямлю, тебе бы пришлось жить на воде и хлебе. А со мной живёшь как в раю. Ты должна мне ноги целовать за то изобилие, в котором живёш! Ты понимаешь, а-а?!

Затем Таган принимался размахивать кулаками. Огулсона закрывала лицо руками и сжималась в комок. Не всё же ей доставалось порядочно. Разъяренный муж не останавливался до тех пор, пока не начинал задыхаться от усталости. Видя эти сцены, дети плакали.

Несчастливая Меретгуль-эдже металась между плачущими детьми, невесткой и разъярённым сыном. И это повторялось чуть ли не каждый день.

В конце концов Огулсоне это всё надоело, и до сих пор молчавшая невестка сказала свекрови:

– Я думаю, что Бог сотворил меня для страданий и горя, и мне уготовано всю жизнь ходить со следами побоев на лице.

Меретгуль-эдже тяжело было слышать такое. Она знала, что

Огулсона скорее умрёт, но не вынесет сор из избы. «Слава Богу! Господь дал мне умную невестку взамен непутёвого сына. А Таган меня заживо в могилу сведет. Жаль, что он у меня единственный, не у кого помощи попросить, некому с ним сладить. У меня даже нет других детей, чтобы к ним уйти от Тагана. А он понимает свою безнаказанность и пользуется ею...»

Меретгуль-эдже от тяжких переживаний слабела здоровьем и теряла к жизни. Лишь невестка Огулсона как-то старалась поддерживать её оставаясь единственной подругой.

– Лучше бы я родила чёрный камень, чем этого негодяя. Отец его умер и взвалил на мои плечи адские муки.

В волосах Тагана появилась седина, но он так и не образумился. Дети, семья, жена, для него не стоили и ломаного гроша. Он думал лишь о бутылке водки и терьяке. До поры до времени ему это доставалось легко. Но однажды...

Как-то вечером он попался, когда пропустил через проходную «кореша» с несколькими килограммами мяса. Тагану лишь повезло, что долго разбираться не стали и «пинком под зад» уволили с мясокомнината по state.

После этого он запил «по-черному», «Золотые дернечки» кончились, закадычные друзья обходили его стороной, а потом и вовсе исчезли. Поневоле ему пришлось «завязат» с терьяком – откуда взять такие денги? Теперь для Тагана стало великой радостью найти хотя бы на водку...

Огулсона после происшедшего с мужем, стиснув зубы, собралась с силами и работала днём и ночью. Ей приходилось следить за Таганом, чтобы не таскал вещи из дома на продажу. «Сначала убьёшь меня, а потом только сможешь добраться до вещей, – как-то сказала она мужу. Я заработала их не для того, чтобы ты их пропил, а для детей». Услышав эти слова, старая Меретгуль-эдже благодарно посмотрела на неё и прошептала:

– Спасибо тебе, невестушка. Недаром говоря «Мужчину мужчиной делает женщина». Кроме того, ты стало опорой всей семьи.

Огулсона заплакала:

– Ой, мама, почему вы не говорите другие слова? «Если мужчина настоящий, его жена будет львицей. Если мужчина – осёл, жена его будет черна как земля». Теперь я ниже чёрной земли...

Меретгул-эдже в ответ лишь горестно вздохнула.

Постепенно Таган поутих, но у него появилась новая привычка – собирать пустые бутылки. К этому он принуждал и детей. После очередных угроз отса испуганные ребяташки в любую погоду выходили на улицу и выполняли неприятную работу. Самый взрослый, Абды, стыдился этого занятия и пытался спортивляться отцу, но бывал жестоко избит...От несправедливого унижения глаза его вспыхивали бешеным огнём, кулаки крепко сжимались, а обиды скапывались в душе в большой комок, который когда-нибудь должен был взорваться...

...Однажды Таган после очередной попойки сильно разбушевался, стал бить всех детей подряд. Абды отвесил пощечину, Айгуль больно дернул за волосы, Дурдымурада ударил кулаком по макушке, в Алламурада запустил ботинком. После этого он взялся за Огулсону.

Женщине не по силам тягаться с мужчиной. Меретгуль-эдже в доме не оказалось – она вышла к соседям. Но вернулась вовремя – иначе Таган искалечил бы свою жену. Увидев с порога, что сын бьет невестку, старуха бросилась её спасать. Гостинцы для детей, которые дали ей соседи, рассыпались по полу. Ничего не замечая, Таган давил их ногами. В очередной раз он замахнулся, чтобы ударит жену, и со всего размаху попал в лицо Меретгуль-эдже. Старуха зашаталась, глаза наполнились слезами, губы беззвучно зашевелились. Но она ничего не успела сказать и рухнула на спину.

Лежа на полу и держась руками за грудь, Меретгуль-эдже проговорила лишь несколько слов:

– О-о, мое сердечко! Э-э-х, сын, ты должен был горой за мать стоять, а принес мне только горе.

Через два часа она умерла в больнице. Врач, находившийся рядом с ней, сокрушенно качая головой, поставил диагноз:

– Сердечная недостаточность...

Таган и тогда был в пьяном угаре.

* * *

...Абды попытался привести отца в чувство. Но Таган не в

состоянии был реагировать на окружающую действительность...

Перевод Натальи СЕМЕНОВОЙ. Некаýalar